

ЮРИЙ Герман написал удивительную трилогию. Пожалуй, герой ее одинаково близок и тем, чья юность совпала с его юностью, и тем, кому сейчас под 50 лет, и тем, кто только обретает свой голос в жизни.

Должно быть потому театры страны с радостью встретили инсценировку трилогии Ю. Германа «Дело, которому ты служишь»: человека крупного, яркую индивидуальность давно ждала наша сцена.

При всем несовершенстве инсценировки спектакль вызывает неизменный интерес.

В Магнитогорске ходят на свидание с доктором Устименко, как ходят повидаться со старым верным другом, таким старым и таким верным, что в нем видишь как бы частичку самого себя.

И запоминаются в этом спектакле не отдельные сцены, хотя есть среди них эффектные — финал спектакля, например, когда зрительный зал волей постановщика превращен в зал международной конференции и тебе, зрителю, хочется поддержать родного человека на трибуне и вместе со всеми высказать ему свое восхищение. Запоминаются люди. Живые современники.

У Владимира Устименко (артист Н. П. Мохов) поводов для тревог и раздумий более чем достаточно. Этот человек взял на себя нелегкую задачу — он не просто хочет восстановить разрушенную после войны больницу. Кажется, он собирается врачевать болезни доброты, заботой, радостью, вниманием не меньше, чем медикаментами и хирургическим вмешательством, а это — ох как не просто!

И все-таки запоминается Устименко — Мохов другим: он весь загорается, глаза его пылают — он настоящий романтик.

Мне пришлось видеть в этой роли превосходных артистов. Увлеченные работой, актеры искали своего подхода к этому трудному человеческому материалу. И находили. Личность доктора Устименко обрела живые черты у каждого по-своему. У Николая Мохова преобладает страстная увлеченность. Это она ведет его Владимира Афанасьевича к бескомпромиссности — великодушному качеству, которое, однако, делает этого человека таким трудным в общении. Натура цельная, крупная, Устименко не знает половинчатых решений, не признает компромиссов в отношениях к людям не торпит середины. Если человеком увлечен, — увлекает его всегда талант, мужество, человеческая самобытность, — для та-

кого человека он — верный друг. Но если уж он человека не уважает, гибкости от него не жди: все, что думает, высказывает в глаза, не считаясь ни с самолюбием, ни с должностью, ни с авторитетом.

Автору инсценировки, к сожалению, не удалось передать и намека на атмосферу, в которой создавался такой характер. А без этого — без событий в республиканской Испании, без страстного энтузиазма строителей первых пятилеток, без предгрозового ощущения конца 30-х годов, без замеча-

ние представляешь себе время, вызвавшее ее к жизни.

«Я все равно не женюсь на тебе, Любочка», — скажет ей Ватаршак, и этот отказ жениться на женщине, которую он любит, скажет о любви больше, чем самые пылкие признания. Здесь беспокойство за ее, Любину, судьбу, мужское твердое желание оградить ее от тревог и опасностей, которые еще могут грозить ему, решительно отказавшемуся признать своих родителей врагами народа...

торую невозможно, если четко не представляешь себе время, вызвавшее ее к жизни.

«Я все равно не женюсь на тебе, Любочка», — скажет ей Ватаршак, и этот отказ жениться на женщине, которую он любит, скажет о любви больше, чем самые пылкие признания. Здесь беспокойство за ее, Любину, судьбу, мужское твердое желание оградить ее от тревог и опасностей, которые еще могут грозить ему, решительно отказавшемуся признать своих родителей врагами народа...

ный расчет, и зависть к чужому таланту, и страх за свое благополучие.

В драматической сцене с доктором Богословским она явно переживает, Инна Матвеевна Горбанюк, и в какой-то миг пугается того, что сделала, но быстро справляется с собой — и снова перед нами непроницаемая маска доброжелательной и деловой женщины, которая решительно ничего общего не имеет с зарвавшимся карьеристом Евгением Степановым.

Актриса Васильева ведет свою роль тонко, нигде не прибегая к открытому сарказму, разоблачая свою героиню изнутри.

Евгений Родионович — заслуженный артист РСФСР Ю. Зеленецкий — прямая противоположность утонченной карьеристке Инне Горбанюк: герой Зеленецкого — недалекого ума, все время суетится. Он шумно врывается в более чем скромную комнату Устименко, элегантно целует ручки дамам, торопится, весь преисполненный сознания собственной важности для человечества, и говорит, говорит. В нем все на ладони, сверху; и желание быть очень значительным, и стремление заставить уважать себя, и полная духовная пустота, и жадность к житейским удобствам, и мелочное тщеславие. Это пока он в силе, пока еще люди не догадались прогнать его с занимаемого поста. А потом — откровенная растерянность, страх, жалость к себе до слез, до истерики.

Артист откровенно прямолинейно ведет свою роль, ничего не пряча, договаривая все до самого конца: его хлопотун и тушица «Женюшечка» Степанов просто ничтожество. Зритель сразу точно чувствует отношение актера к своему герою. Этот мелкий человечек вызывает только презрительную жалость.

Горбанюк и Женюра Степанов задуманы режиссером на приемах контрастных, и сама эта контрастность отлично играет в спектакле, работает, оттеняя главную мысль.

Спектакль всегда многое может сказать о самом театре. Он неизбежно говорит о направлении поисков. А поиски Магнитогорского театра им. А. С. Пушкина ведут в область интересную и современную: здесь исследуют ответственность человека за других в общей заботе о том, чтобы человеческая жизнь была разумной и радостной.

М. СТУАЛЬ,
преподаватель Челябинского института культуры.

КОГДА ТЕАТР ИЩЕТ...

О спектакле «Дело, которому ты служишь» в Магнитогорском театре имени А. С. Пушкина

тельных людей, воспитавших его примером всей своей жизни, — не совсем ясно, откуда взялся такой Устименко, в чем тайна его покоряющего влияния на людей. Эта слабая сторона драматургического материала нередко приводила к неудаче даже очень талантливых исполнителей.

Артисту Н. Мохову удалось избежать приземленности, унылой деловитости: в его герое есть сила страсти — пламенная и властная сила. Для него жизнь — созидание, и это процесс радостный, обжигающий, если хотите, — азартный. Вот эта радостная сила и есть тот главный его талант, что притягивает к нему людей, — нет, не всяких и не всех, а лишь тех, кто и сам по себе ярок, смел, честен, влюблен в жизнь.

Отсюда уже рукой подать до подвига во имя науки, подвига, скромно именуемого «работой». В такой трактовке его научный эксперимент, поставленный на себе, не воспринимается чем-то удивительным, из ряда вон выходящим: он просто не умеет жить иначе, такой Устименко. И становится понятным, почему влюбленный в него молодой доктор Саинян без колебаний пошел бы по этому пути, если бы ему первому пришла в голову такая мысль: он ведь тоже по своему Устименко. Та же страстность, принципиальность и подвижничество как жизненная норма.

Интересен в спектакле образ Любы Габай (артистка Елена Калинина).

В семье, где росла Люба, —

В пьесе и впрямь весьма неубедительно звучит объяснение Любы, в романе — гораздо основательнее, и прямо в Любимом характере.

В сложный мир Люба — Калинина приносит юношескую крайность мнений, но это не от стремления отделиться от людей: напротив — от желания идти им навстречу, открыто, доверчиво, трепетно. У Любы болезненная чуткость к искренности. Вот отчего так нетерпима она к фальшивым жалобам сестры, вот почему неспособна почувствовать деликатскому подходу к жизни.

Актриса сумела вложить в каждую сцену столько личного отношения, одного этого достаточно, чтобы высветлить каждый поступок ее героини по-новому.

Уехала жена от Устименко. Сделала она это грубо, намеренно резко ударила по самому больному месту: даже фотографии дочки не оставила. И большой, сильный человек, умеющий так стойко сражаться, вдруг ослабел, обессилел.

Не жалость, а гнев заставляет в этой сцене плакать Любу Габай, и ее страстное: «Мы ее выкрадем, мы осудим Натаньку» — так переполнено обидой за него, Устименко, и еще каким-то удивительно открытым чувством, которому и названия не придумаешь. И силы возвращаются, и новыми глазами смотрит он на эту хрупкую женщину, которую так резко осуждал.

А потом будет сцена с Ватаршаком Саиняном, сцена горькая и трудная, понять ко-

У Любы — Калининой целая гамма переживаний: и нежная доверчивость, и стремление убедить, и яростные слезы, и слезы счастливые...

Инна Горбанюк, роль которой исполняет актриса Ирина Васильева, сегодня, конечно, не имеет никакой опоры в обществе. Оружие ее — недоверие, подозрительность.

Актриса Васильева, как и ее партнерам, приходится договаривать за автора инсценировки, больше играть на подтексте, нежели на открытых зрительскому глазу приемах обличения.

Она появляется такая доброжелательная, строгая, подтянутая, такая деловитая, вся поглощенная сознанием важности доверенной ей работы в отделе кадров облздара. В Устименко она сразу почувствовала натуру сильную, и решила — чрезвычайно важно сделать его союзником. А не выйдет? Ну, что ж, тогда война! А в ней все средства хороши, даже подслушивание, клевета, угрозы. Разумеется, все это она не станет делать сама. Боже упаси, она такая изысканная, утонченная. И с Катюшей Закадычной, которую она ловко пристраивает шпионить за Устименко и Богословским, говорит снисходительно, едва скрывая презрение: приходится пачкать руки, общаясь с такими вот... Ей это неприятно, она брезглива, но что поделаешь, это ее долг — вывести на чистую воду ужасных этих людей. За этими удобными фразами о долге очень легко спрятать и холо-